

УДК 81'42
Doi 10.26456/vtfilol/2023.2.226

ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

А.М. Ниточкин

Тверской государственной университет, г. Тверь

Рассматривается феномен и понятие дискурсивного маркера как прагма-функционального текстового средства, обеспечивающего взаимодействие разных типов дискурса

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, интердискурсивность, манипуляция.

В современной лингвистике понятие дискурсивного маркера (далее ДМ) появилось сравнительно недавно, и оно привлекает к себе особое внимание в силу того, что в полной мере отвечает задачам современной коммуникативной лингвистики, где изучению подлежит не только и не столько то, *что* мы говорим, но – и *как* мы говорим. Причем, то, *как* мы говорим, очень часто и становится основным содержанием высказывания, и ДМ являются эксплицитованными в языке средствами обеспечения и поддержания прагма-коммуникативной направленности дискурса.

Вместе с тем, чтобы достаточно адекватно описать работу ДМ, нужно дать их (желательно) полную номенклатуру, или, по крайней мере, наметить пути ее описания.

Многое в науке уже сделано. Из монументальных работ, посвященных ДМ, обычно называют работы таких учёных, как Д. Шифрин, Д.М. Льюис, Б. Фрейзер, Я. Машлер, другие исследователи.

Д. Шифрин определяет ДМ как «последовательно зависимые элементы, которые разграничивают единицы речи» [10: 31]. В своих работах дискурсивными маркерами исследовательница называет союзы (*and, but, or*), междометия (*or*), местоимения (*now, then*), лексикализованные выражения (*y'know, I mean*) [там же: 40]. Эти единицы, с ее точки зрения, обеспечивают связность дискурса, а также указывают на принадлежность речи (текста) к определенному его типу. Уже здесь мы можем обратить внимание на характеристику ДМ – как их понимает Д. Шифрин: это, прежде всего семантически емкие, но формально компактные элементы, относящиеся к «упаковочному» материалу языка.

М.Л. Макаров пишет об этой проблематике со значительно более широких позиций, анализируя то, что он называет «метакоммуникативными речевыми актами», чем, по сути, и являются дискурсивные маркеры; причем номенклатура этих актов (с нашей точки

зрения, ДМ) исследователем понимается очень широко: «метакоммуникативные функции выполняют разнообразные элементы дискурса, от звука и интонации, частицы, междометия или слова до самостоятельных ходов и обменов» [6: 197]. Иными словами, если следовать идеям М.Л. Макарова, к ДМ мы можем отнести не только те элементы языка, о которых пишет Д. Шифрин, но и вполне развернутые высказывания (речевые акты), которые формально не будут отличаться от общего материала дискурса.

Формально – нет. Функционально – да.

Любой тип дискурса демонстрирует комбинацию двух типов событийности – «события, о котором рассказывается» и «события рассказывания» [2: 403–404]. В научной статье первым из событий будет событие, предположим, научного открытия; вторым же – событие формирования речевого произведения (текста), удобочитаемого в рамках научных норм текстопроизводства. В некоторых типах дискурса ДМ очевидны и достаточно формализованы («Больной! Раздевайтесь!» – медицинский дискурс), а в некоторых – сложны и формально неотличимы от элементов события, о котором рассказывается. Но важна ведь не форма, а функция!

К сложным типам дискурса можно отнести литературно-художественный дискурс. В «Невском проспекте», рассказав трагическую историю художника Пискарева, Гоголь переключает читателя на повествование, где главным персонажем становится поручик Пирогов, при этом он предваряет момент рефокализации шифтером: «Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на том, как он расстался с бедным Пискаревым и устремился за блондинкою... Но не мешает известить читателей, кто таков был поручик Пирогов». Истории Пискарева и Пирогова – событие (цепь событий), о котором рассказывается. Факт же вторжения авторского Я в повествование (вторжение в дискурс метакоммуникативного элемента, ДМ) есть событие рассказывания. Содержание нарратива «Невского проспекта» – многообразие характеров и судеб, а управляет этим многообразием – ДМ, но реализованный не «упаковочным» материалом языка, а вполне развернутыми содержательными речевыми конструкциями, которые формально неотличимы от текстовых элементов нарратива, но функционально от него принципиально отличаются.

К такого же рода ДМ относятся и многочисленные в истории литературы обращения автора к «любезному» читателю: «Я попрошу своего или своих *любезных читателей* перенестись воображением в ту малую лесную деревеньку, где Борис Петрович со своей охотой основал главную свою квартиру» (М.Ю. Лермонтов, «Вадим»), «Но прежде чем буду продолжать рассказ, позвольте, *любезный читатель*, представить вам поименно все общество, в котором я вдруг очутился» (Ф.М. Достоевский, «Село Степанчиково и его обитатели».

«Но, любезный читатель, ты уже зеваешь» (А.Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву»), а потому перейдем к самому интересному: это случаи, когда ДМ, импортированные из одного типа дискурса, начинают регулировать другой дискурс.

Об этом пишет О.А. Гусева [4], в работах которой как дискурсивные маркеры квалифицируются не просто лексические единицы (междометия, союзы и т.д.), но именно метакоммуникативные акты – характерные способы организации дискурса.

Д. Шифрин в последней главе цитированной нами работы отмечает: «значения, передаваемые маркерами, не только делят дискурс на части, в котором они могут встречаться, но и влияют на общий смысл этого дискурса [10: 314]. Очень точное наблюдение, которое позволяет сделать предположение: транспонированный из одного типа дискурса в другой ДМ вносит в него и свой «семантический ореол» (термин М.Л. Гаспарова). Известный исследователь работает в поле литературно-художественного материала, но его наблюдения и, главное, идея семантической нагруженности средств организации литературного произведения может быть экстраполирована и на иные типы дискурса: «Один и тот же предмет обозначается словами «уста» и «губы», одна и та же фраза может быть изложена 4-стопным ямбом или 4-стопным хореем, но для поэта небезразлично, какое выбрать слово и какой размер. Почему? Потому что в исторической практике слова эти связались с разными стилями, а размеры эти — с разными жанрами и темами; избрать такое-то слово или размер уже значит подсказать читателю целую сеть смысловых ассоциаций, тянущихся за ними» [3]. Именно в этом смысле мы можем сказать, что ДМ – это не просто формальные операторы дискурса, а единицы, которые, будучи транспонированными из одной дискурсивной плоскости в другую, переносят в нее и свой семантический (прагма-семантический) ореол, обеспечивая мимикрию одного дискурса под другой. Функции этой мимикрии могут быть различными. Одна из них – усиление манипулятивного (или персуазивного) потенциала цитирующего дискурса за счет дискурса цитируемого.

В качестве примера рассмотрим письмо-обращение представителей православного центра «Сорок сороков» к министру культуры России Ольге Любимовой с просьбой запретить мероприятия по мотивам романов о волшебнике Гарри Поттере [URL]. Это – образец того, как в деловой и религиозный дискурсы транспонируются посторонние для них ДМ. Сразу оговоримся: такого рода документы являются результатом сложной комбинации дискурсивных практик, но, если исходить из принятых представлений о том, что определенный тип дискурса предопределен, прежде всего, объектом и интенцией его агента, то перед нами – комбинация делового (письмо-обращение в официальные органы) и религиозного дискурсов – «Сорок сороков» это православная организация, и в письме речь идёт о христианах, Боге, душе

и т.д. – стандартные форманты религиозного речевого производства, но здесь мы сталкиваемся с ДМ и публицистического, и научного (который становится псевдонаучным), и, главное – юридического, судебного дискурса.

Посетовав на то, что сага о Гарри Поттере несет в себе губительную для неокрепшей отечественной души квинтэссенцию рационализма, индивидуализма и материализма (мастерски использованный триколон как одно из эффективных риторических средств, уместных в публицистическом дискурсе), сославшись на философа и ученого И. Ильина («...И сказки русские - просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры; как прабабушка; - как спрашивающее дитя и как отвечающая старушка; оба - созерцающие младенцы...»), который, несмотря на свой научный статус, явно не читал русских сказок из сборника А.Н. Афанасьева, неоднократно и с разных сторон ужалив сагу о Гарри Поттере, которая заряжена, как «все мы знаем; чуждыми нам духовным ценностям», авторы письма переходят непосредственно в «зал суда», завершая текст стандартными для судебного иска формулами:

В связи с изложенным, так как в соответствии с действующим законодательством вопросы организации контроля культурных и творческих мероприятий находятся вне компетенции Министерства культуры Российской Федерации, то, руководствуясь п. 5.1 Положения о Министерстве культуры Российской Федерации, отдельными положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Основ государственной культурной политики, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 21 июля 2020 г. № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года", от 9 ноября 2022 года N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», ст. ст. 1, 2, 10 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

ПРОСИМ ВАС: <...>

Сама форма финала, импортированная из конечной части искового заявления в суд, предваряемая перечислением нормативных

актов (законов) с точным указанием их статей, их пунктов и подпунктов, имплицитно угрозу судебного разбирательства – как для министра, если та должным образом не среагирует на обращение, так и для тех, кто является объектом критики – оркестранты из Московской консерватории. В ссылках речь идёт и о национальной безопасности, и об информационной безопасности, и о национальной политике и т. д.; все эти ссылки на нормативные акты – маркеры (ДМ) судебного дискурса, который через их посредство входит в дискурс религиозно-деловой как метакоммуникативный акт. Адресату как бы не дают выбора, он должен среагировать на обращение и удовлетворить прошение представителей «Сорока сороков».

Так, импортирование дискурсивных маркеров из одного дискурса в другой, использование их в качестве метакоммуникативных операторов, реализующих в принимающем дискурсе свои прагма-семантические ореолы, превращает текст в целую систему средств языковой манипуляции, через которую осуществляется риторическое воздействие, а успешность ее зависит от нескольких факторов: социальное положение адресата, его образованность, включенность в современную повестку, политический контекст, а также (и это – один из важнейших компонентов), особенности текущей правоприменительной практики.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Дочь пастуха // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 28–29.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: «Художественная литература», 1975. 504 с.
3. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. К семантике русского трехстопного хоря // Серия литературы и языка. 1976. Т.35. № 46. С 357–366.
4. Гусева О.А. Использование приемов псевдонаучного дискурса в публичной религиозной риторике // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2022. №. 4. С. 111–121.
5. Карасик В.И. и др. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса: монография. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
7. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу. Тверь: Твер.гос.ун-т, 2000. 98 с.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки: монография. М. Рипол-классик, 2021. 624 с.
9. Maschler Y., Schiffrin D. Discourse markers language, meaning, and context // The handbook of discourse analysis, Second edition. Chichester, UK: John Wiley & Sons, Ltd, 2015. Pp. 189–221.
10. Schiffrin D. Discourse markers. New York: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
11. URL: <https://mash.ru/news/161624> (дата обращения 20.04. 2023)

Об авторе:

НИТОЧКИН Алексей Михайлович – аспирант кафедры теории языка, перевода и французской филологии, Тверской государственной университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: amnitchkin@gmail.com.

**TRANSPOSITION OF DISCOURSE MARKERS FROM ONE
DISCOURSE TO ANOTHER AS A CHARACTERISTIC FEATURE
OF THE CONATIVE DISCOURSE**

A.M. Nitochkin

Tver State University, Tver

The article discusses the concept of discursive markers. A view of this concept, different from that described in classical papers is shown. Based on the material of the letter of appeal of the human rights organization "Sorok Sorokov" to the Minister of Culture of the Russian Federation, the analysis of the transformation of business discourse into the discourse of influence is carried out.

Keywords: *discourse markers, mimicry, pseudoscientific discourse, conative discourse of influence.*

About author:

NITochkin Aleksei Mikhailovich – degree seeking student, Department of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova 33), e-mail: amnitchkin@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023
Подписана в печать 23.04.2023

© Ниточкин А.М., 2023